

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Собрание сочинений И. А. Бунина. Т. Т, II, III и VII (Изд. Петропольск).

Когда книга впервые выходит в свет, она существует сама по себе и требует от нас ни от каких сравнений независимой оценки. Когда она переиздается вместе с другими книгами того же автора, ее уже видишь как звено в живой последовательности его произведений, ее непременно хочется сравнить с тем, что ей предшествовало и что следовало за ней: на первом плане уже не ее раздельное бытие, а значение ее в развивающемся единстве творческой личности. Ведь и значительность автора измеряется не количеством удач, не равенством всего, что он когда-либо писал, перед судом безличного и пустого совершенства, а той напряженностью духовных сил, которая сказывается уже в переход от одной книги к другой, в различии замыслов, в борьбу страстей, в неустанном, росте творческих возможностей. Последний и решающий знак величия — непрерывность восхождения, не обрывающегося до конца; всё исключение из этого правила болванены (хотя, конечно, не в упрощенно-медицинском смысле слова) Бунин — не исключение, его творческое здоровье так же несомненно, как и творческая мощь. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить «Жизнь Арсеньева» с первыми рассказами его или хотя бы, в выходящем теперь собрании сочинений, седьмой том, где мы находим «Митину любовь», «Дело корнета Елагина», «Иду», «Солнечный удар», с томами вторым и третьим, содержащими произведения 1909-1912 годов. Различие велико; и тот в бунинском искусстве не Бог знает что поймет, кто отдаст предпочтение ранним его проявлениям перед поздними.

«Озаренный луной, Хрущев стоит над нею (снѣжной кучей) и, засунув руки в карманы куртки, глядит на блестящую крышу. Онъ наклоняетъ къ плечу свое блѣдное лицо съ черной бородой свою оленью шапку, стараясь уловить и запомнить отбѣнокъ блеска. Вотъ бы вернуться въ кабинетъ и просто, просто записать все то, что только что чувствовалъ и видѣлъ.» Это изъ коротенькаго разсказа «Снѣжный быкъ», написаннаго въ 1911 году. А вотъ заключае другое столь же краткаго и еще болѣе мастерски написаннаго прозаическаго отрывка «Книга», помѣщеннаго 1924 годомъ, но отражающаго несомнѣнно воспоминае болѣе раннихъ лѣтъ. Разсказъ

чикъ лежить съ книгой на гумнѣ, въ ометѣ. «Все читаете, все книжки выдумываете?», вспоминаетъ онъ слова проходившаго мимо мужа. «А зачѣмъ выдумывать? Зачѣмъ героини и герои? Зачѣмъ романъ, повѣсть, съ завязкой и развязкой? Вѣчная болезнь показаться недостаточно книжнымъ, недостаточно похожимъ на тѣхъ, что прославлены! И вѣчная мука — вѣчно молчать, не говорить какъ разъ о томъ, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболѣе законно выраженія, то-есть слѣда, воплощенія и сохраненія хотя бы въ словѣ!» То, къ чему Бунинъ тянуло и въ 1911 и въ 1924 году, то воплощеніе, о которомъ онъ тосковалъ, «стараясь уловить и запомнить отгѣнокъ блеска», стремилась къ выраженію «единственно настоящаго и своего», этого онъ полностью достигъ только въ «Жизни Арсеньева», но, конечно, и «Жизни Арсеньева» не могла быть написана безъ той долгой подготовительной работы, какой представляется съ точки зрѣнія его послѣдней и прекраснѣйшей книги все бунинское творчество.

Въ этой незаконченной еще книгѣ онъ нашелъ окончательную форму своего искусства, выразился въ ней полнѣе, чѣмъ когда-либо до нея. Но, разумеется, это нисколько не мѣшаетъ прелести и совершенству «Иды», «Солнечнаго удара», не противорѣчить сосредоточенной силѣ «Митиной любви». Къ тому же, въ самомъ письмѣ этихъ вещей уже чувствуется та особая заостренность и одухотворенность, которая высшаго напряженія достигаетъ въ «Жизни Арсеньева». Рядомъ съ этой зрѣлой бунинской манерой письма «Деревня», «Суходола», «Хорошей жизни», «Веселаго двора» кажется черезуръ вещественнымъ и плотнымъ (хотя само по себѣ это качество нужно признать положительнымъ, если сравнить его съ распывчатой, жонно-поэтической, разукрашенной и вялой прозой, господствовавшей въ русской литературѣ въ тѣ годы). Недостатокъ ралихъ бунинскихъ произведеній сравнительно съ тѣми, что написаны во время войны и позже (хотя, конечно, рѣзкую границу здѣсь было бы трудно провести), заключается въ нѣкоторомъ пренебрежѣннѣ вещей — превосходя, необыкновенно отчетливо и выпукло описанныхъ вещей — надъ мыслями и чувствами. Въ «Деревнѣ», напримѣръ, куски природы, быта, образы людей даны сплошь и рядомъ съ изумительной силой, но они не сплавлены воедино такимъ побѣждающимъ образомъ, какъ въ «Митиной любви», не погружены все вмѣстѣ въ одинъ могучій потокъ, какъ въ поощемъ и рыдающемъ славословіи «Жизни Арсеньева». Единство намѣчается, однако, уже въ «Суходолѣ» и (по другому) въ «Хорошей жизни», «Веселомъ дворѣ»; оно крѣпнетъ и въ смыслѣ стройности композиціи и въ смыслѣ болѣе скрытаго подчиненія всѣхъ частностей замыслу лирическому по существу. Думаю, что этотъ второй путь глубже всего отвѣчаетъ бунинскому дару, какъ о томъ свидѣлельствуютъ цитаты, которыя я привелъ; не даромъ онъ-то и торжествуетъ въ «Жизни Арсеньева». Однако и композиционнымъ, драматическимъ единствомъ, не романа — Бунинъ не романистъ — по разсказа сумѣлъ въ рѣдкостной мѣрѣ овладѣть авторъ «Господина изъ Санъ-Франциско» и «Дѣла корнета Елагина».

Тѣмъ, кто знаетъ позднѣйшія вещи Бунина, произведенія, собранныя во второмъ и третьемъ томѣ «Сочиненій» могутъ и должны казаться подготовительными, несовершенными. Но наступаетъ минута, когда сравненія забываешь, когда читаешь «Суходоль» или чудесный разсказъ о Захарѣ Воробьевѣ уже не думая ни о чемъ другомъ. Развѣ поэзія «Суходола» не подлинная и не чисто-бунинская поэзія? Развѣ въ «Деревнѣ» и во всѣхъ разсказахъ о мужикахъ не сквозитъ глубочайшее и чисто бунинское ощущеніе Россіи? Какъ плохо все это было писано въ свое время, какіе плоскіе споры вызвало! Какія чула изъ газетной бумаги обсуждали правдивость того, что было выстраданнымъ знаніемъ и пророческой тревогой! И какъ ухитрились проглядѣть бунинское искусство въ томъ самомъ литературномъ лагерѣ, гдѣ только и была художественная культура, достаточная для его ошибки. Все это прошлое. Если сейчасъ что-нибудь способно ограничить наше восхищеніе «Деревней» или «Суходоломъ», то это лишь «Казиміръ Станиславовичъ», «Пеглясыя уши», «Ида». «Митиня любовь» и не сравнимая ни съ чѣмъ «Жизнь Арсеньева».

В. Вейдле.

Ив. Шмелевъ. Богомолье. Бѣлградъ. 1935. «Русская Библиотека» кн. 41.

Шмелевъ-художникъ всегда обращенъ къ Россіи, и въ его произведеніяхъ, написанныхъ послѣ того, какъ онъ покинулъ родину, звучала особенно сильно одна струна. «Солнце Мертвыхъ», «Про одну старуху», «На пенькахъ» и др. насыщены страданіемъ за судьбу Россіи: въ нихъ преобладаетъ мучительное безпокойство, трагическая напряженность, мистическій ужасъ. Съ исключительной художественной силой Шмелевъ рисуетъ гибель подъ ударами коммунизма и вѣшняго, матеріальнаго благосостоянія Россіи и ея духовныхъ богатствъ. Читатель подъ властью таланта страдаетъ отъ тяжести трагическихъ впечатлѣній, отъ неодолимаго ощущенія безвыходности. Не только Россія, но и весь міръ кажется ему висящими надъ бездною.

Однако въ послѣдніе годы въ творчествѣ Шмелева наблюдается какой-то поворотъ: очевидно, его талантъ продолжаетъ расти и ищетъ новыхъ путей. Взоръ его обратился къ прежней Россіи. Для многихъ этотъ поворотъ былъ неожиданнымъ, но на самомъ дѣлѣ неожиданнаго въ немъ ничего нѣтъ. Стоитъ только вспомнить его чудесныя «Розстаніа» съ ихъ эпическимъ, ровнымъ, спокойнымъ стилемъ, съ преобладаніемъ радостныхъ тоновъ, мягкихъ красокъ, тонкой, умиротворяющей поэзіи, сердечной простоты, благодущія, любви, духовнаго здоровья. Все это съ новой силой воскресло въ книгѣ «Лѣто Господне» и въ только что вышедшемъ «Богомольѣ». Здѣсь въ широкой картинѣ рисуется подлинная народная жизнь, и вѣшняя и духовная, крестьянская и купеческая среда.

Купеческую среду русскій читатель знаетъ почти исключительно по Островскому. Она представлялась ему «темнымъ царствомъ» съ грубостью нравовъ, жестокимъ произволомъ, лицемернымъ благочестіемъ, отлично ужинавшимъ съ самой преступной грѣховностью.